

Ловушка^{JM} кадра

Ж М

Ловушка кадра

<https://litres.ru/74605874>

SelfPub; 2026

Аннотация

Братья Казуки и Харуто Куросава приезжают в глухую японскую деревню, чтобы продать старый дом покойного деда-часовщика. Но у покинутого здания свои правила: здесь замерло время, а полы отзываются на шаги тревожным птичьим щебетом. В подвале братья находят винтажный кинопроектор и архив серебряных плёнок, которые показывают их собственное настоящее с задержкой в несколько минут. Невидимка, запертый внутри кадров, начинает менять реальность вокруг них и переписывать их память. Чтобы спастись, братьям придётся досмотреть чужую хронику до конца, пока луч света не погас навсегда.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ж М

Ловушка кадра

Глава 1

Глава 1. Угуисубари — поющие полы

Дождь в префектуре Нагано не шёл — он висел в воздухе серой, осязаемой взвесью, от которой одежда становилась влажной за считанные минуты. Старый минивэн, который Казуки взял в аренду в аэропорту, тяжело переваливался через ухабины размытой дороги. Вокруг, сколько хватало глаз, стеной стоял вековой хвойный лес, утопающий в туманной дымке.

— Если нас здесь съедят дикие кабаны или местные культисты, я официально завещаю свою коллекцию манги ко-ту соседа, — подал голос с пассажирского сиденья Харуто. Он посильнее натянул капюшон толстовки и подышал на замерзшие пальцы.

— Казуки, скажи честно, дедушка Генджи точно был чашовщиком, а не опальным чернокнижником? Мы едем в такую глушь, куда даже навигатор отказался прокладывать маршрут, сославшись на экзистенциальный кризис. Казуки коротко усмехнулся, не отрывая взгляда от узкой дороги. На его коленях лежал старый бумажный атлас, на котором дед

собственной рукой вывел жирный красный крест в районе деревни Камикава.

— Дедушка был прагматиком, Харуто. И если бы он услышал твои бредни про чернокнижников, он бы заставил тебя перебирать шестерёнки будильников до скончания веков, — Казуки крутанул руль, объезжая поваленную ветку. — Дом пустовал почти три года после его смерти. Юристы только сейчас закончили возиться с бумагами по наследству. Наша задача проста: оценить состояние постройки, собрать его личные вещи, которые могут представлять ценность, и выставить всё на продажу. Городской комфорт ждёт нас недели через две, так что потерпи.

— Потерпи, — передразнил младший. — Ты это скажи моему желудку. Из еды у нас только три пачки быстрорастворимого рамена и пачка засохших рисовых крекеров, которыми можно забивать гвозди. Деревня Камикава показалась внезапно, словно вынырнула из тумана. Она выглядела вымершей. Потемневшие от сырости деревянные дома с черепичными крышами жались друг к другу у подножия горы. Ни машин, ни проводов, ни признаков суеты. Лишь у одного из крайних домов на крыльце сидел старик в поношенном дождевике. Когда минивэн проезжал мимо, старик медленно поднял голову. Из-под широких полей соломенной шляпы на братьев уставился немигающий, водянистый взгляд. Он не пошевелился, не поприветствовал их, а просто провожал машину глазами, пока та не скрылась за поворотом.

— Очень дружелюбный дедуля, — пробормотал Харуто, инстинктивно вжимаясь в кресло. — Спорим, по ночам он подрабатывает тем, что стоит у кровати случайных путников и молча смотрит на них?

— Прекрати, — отозвался Казуки, хотя у него самого по спине пробежал едва заметный холодок. — Пожилые люди в провинции часто настороженно относятся к чужакам. Даже если эти чужаки — внуки Генджи Куросавы. Дом деда стоял на самом отшибе, у кромки леса. Это было массивное, двухэтажное здание в традиционном стиле минка. Тёмное дерево стен казалось почти чёрным от влаги, а высокая крыша поросла густым зелёным мхом. Вокруг участка тянулся покосившийся бамбуковый забор, а у входа на территорию лежал массивный замшелый валун. Казуки заглушил мотор. Тишина, обрушившаяся на них после урчания старого двигателя, показалась физически плотной. Было слышно только, как редкие тяжелые капли стучат по лобовому стеклу.

— Ну, добро пожаловать в фамильное гнездо, — Казуки потянулся за ключами. Они вышли из машины. Харуто сразу поёжился — воздух здесь был непривычно холодным и пах озоном, хвоей и застарелой сыростью. Они поднялись по деревянным ступеням к массивной раздвижной двери генкана — традиционной прихожей. Ключ в старом замке повернулся с тяжелым, сухим щелчком. Когда Казуки отодвинул дверь, в нос ударил застоявшийся запах старой бумаги, татами и сухого дерева. Внутри царил полумрак. Из-за за-

шторенных окон свет едва проникал в коридор. Братья разулись и ступили на деревянный настил. В ту же секунду под их ногами раздался высокий, мелодичный скрип, похожий на птичий щебет. Харуто подпрыгнул на месте, едва не сбив плечом старую напольную вазу.

— Проклятие! Что это?!

— Угуисубари, — спокойно ответил Казуки, включая карманный фонарик и направляя луч на пол. — «Поющие полы», или соловьиные полы. Дед рассказывал, что перекрытия сделаны особым образом. Когда кто-то наступает на доски, металлические скобы под ними трутся о гвозди, издавая звук, похожий на пение птиц. В древности богатые японцы делали такие полы в замках, чтобы к ним не могли незаметно подобраться наемные убийцы. Дед гордился этим полом.

— Отличная вещь, — Харуто перевёл дыхание, осторожно делая ещё один шаг. Пол снова отозвался тонким писком. — Особенно для параноиков. Теперь, если ночью я захочу пойти в туалет, об этом узнает не только весь дом, но и те кабаны в лесу.

Они прошли вглубь дома. Комнаты были обставлены скромно, но со вкусом: циновки татами на полу, низкие столики, раздвижные перегородки сёдзи из плотной белой бумаги. Всё покрывал ровный, серый слой пыли. На стенах висели старые механические часы — десятки часов разных размеров, форм и эпох. Все они, разумеется, стояли. Их замершие стрелки показывали совершенно разное время, со-

здавая гнетущее ощущение, что в этом месте само время сломалось и умерло. Казуки прошёл в главную гостиную и раздвинул шторы, впуская внутрь блеклый дневной свет. Харуто остался стоять в дверях, внимательно осматриваясь.

— Слушай, Казуки... — тихо позвал младший брат. Его голос потерял прежний шуточный тон.

— Что?

— Тебе не кажется, что здесь... слишком тихо?

— Мы в глухой деревне, Харуто. Здесь и должно быть тихо.

— Нет, я не об этом, — Харуто потёр шею сзади, там, где волоски внезапно встали дыбом. — Такое чувство, будто воздух здесь тяжелый. Как перед грозой, когда всё замирает. И... мне кажется, или здесь чертовски холодно для начала осени? У меня пар изо рта идет.

Казуки посмотрел на брата, а затем перевёл взгляд на его лицо. Действительно, изо рта Харуто при выдохе вырывались едва заметные белые облачка. Казуки прислушался к собственным ощущениям. Харуто был прав. В доме было не просто прохладно — температура стремительно падала, словно они зашли не в жилое помещение, а в огромный бетонный холодильник.

— Дом долго стоял без отопления, — Казуки попытался найти логичное объяснение, хотя внутри шевельнулось странное предчувствие. — Дерево впитало сырость. Нужно найти обогреватель или растопить очаг, если он рабочий.

Пойдём, проверим подсобные помещения и подвал. Дед говорил, что держал инструменты там. Они вышли обратно в коридор. Казуки шёл впереди, Харуто держался чуть позади, озираясь на закрытые бумажные двери комнат. Каждый их шаг сопровождался неизменным, тонким птичьим щебетом поющих половиц. Они дошли до конца коридора, где располагалась тяжёлая дверь, ведущая в подвал. Казуки взялся за круглую металлическую ручку. Она была ледяной, словно её только что достали из сугроба. В этот момент оба брата замерли. Звук пришёл из глубины дома.

Из той самой гостиной, которую они только что покинули и где точно никого не было. Это был скрип. Короткий, отчетливый, мелодичный скрип половицы угуисубари. Будто кто-то невидимый сделал один осторожный, тяжёлый шаг по направлению к коридору, где стояли братья. Харуто затаил дыхание, его пальцы намертво впились в ткань куртки Казуки. Старший брат не шевелился, его взгляд был прикован к тёмному повороту коридора. Они ждали, что звук повторится, но дом снова погрузился в мёртвую, давящую тишину. Только их собственное прерывистое дыхание нарушало этот покой.

— Казуки... — едва слышно прошептал Харуто. — Скажи мне, что у соловьиных полов бывают фантомные спазмы от старости. Казуки медленно сглотнул, чувствуя, как внутри всё сжимается от необъяснимой, липкой тревоги.

— Бывают, — так же тихо ответил он, стараясь, чтобы

голос звучал уверенно. — Дерево оседает. Из-за перепада температур доски расширяются и могут издавать звуки сами по себе. Это физика, Харуто.

— Физика, — Харуто попытался выдавить из себя слабую улыбку, хотя его губы заметно дрожали от холода и страха. — Ладно. Но если эта «физика» сейчас выйдет из-за угла и попросит у нас прикурить, я лично познакомлю её с физикой твоего правого хука, а сам побегу к машине. Казуки коротко кивнул, оценив шутку, но расслабиться не смог. Он потянул на себя дверь подвала. Из темноты пахнуло резким запахом машинного масла, химикатов и старой плёнки. Луч фонаря разрезал густую тьму, выхватывая крутую деревянную лестницу, ведущую вниз. Именно там, в мастерской деду Генджи, их ждало то, что навсегда изменит их представление о реальности.

Глава 2. Пыль и серебро

Лестница в подвал отчаянно скрипела, но это был обычный, сухой деревянный треск, лишённый того изящного птичьего щебета, что пугал наверху. Казуки спускался первым, выставив вперёд фонарь. Луч света выхватывал из темноты клубы потревоженной пыли и массивные деревянные балки, подпирающие потолок. Харуто шёл следом, практически уткнувшись носом в лопатки старшего брата.

— Пахнет так, словно здесь заживо похоронили лакокрасочный завод, — пробормотал младший, прикрывая нос рукавом. — Казуки, если я упаду в обморок от токсичных ис-

парений, не бросай меня здесь. Мой призрак будет приходить к тебе каждую ночь и переставлять твои идеально разложенные носки.

— Если ты упадёшь в обморок, я просто оставлю тебя здесь до утра, — отозвался Казуки, ступая на земляной пол подвала. — Меньше будешь паниковать из-за старых половиц.

Подвал оказался неожиданно просторным. Дедушка Генджи превратил его в полноценную мастерскую и фотолабораторию. Вдоль стен тянулись тяжёлые стеллажи, заставленные банками с реактивами, старыми деталями от настенных часов, шестерёнками и инструментами. В углу, под красной лампой, стояли ванночки для проявки фотографий, давно высохшие и покрытые серым налётом. Но внимание Казуки привлекло не это. В самом центре подвала стоял массивный дубовый стол, над которым горела одинокая лампа на гибкой ножке. Казуки подошёл ближе и протянул руку к выключателю. К его удивлению, лампа щелкнула и загорелась блёклым, желтоватым светом. Электричество в доме всё ещё работало.

— Смотри-ка, — Харуто подошёл к столу и указал пальцем на центр столешницы. — Похоже, дед ушёл отсюда не так давно. Или очень тщательно готовился к нашему приходу. На столе царил идеальный, почти пугающий порядок. Посредине стоял тяжёлый металлический прибор, покрашенный серой молотковой эмалью — старинный 8-миллиметровый кинопроектор. Его хромированные детали тускло бле-

стели в свете лампы. Рядом с ним лежала аккуратная стопка плоских круглых коробок из-под плёнки. На самой верхней коробке лежал толстый блокнот в кожаном переплёте — личный дневник деда Генджи. Казуки осторожно взял блокнот. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком часовщика. Он пролистал несколько страниц ближе к концу. Записи становились всё более рваными, строки налезали друг на друга.

— Что там? — Харуто заглянул через плечо брата.

— Последняя запись, — тихо сказал Казуки и прочитал вслух: — «Оно не поддаётся расчётам. Механика часов бессильна перед тем, что не имеет формы. Обычный глаз видит лишь пустоту, но серебряная эмульсия на плёнке фиксирует искажение. Я расставил камеры. Если вы читаете это — не выключайте свет. Оно приходит, когда обрывается кадр». Братья переглянулись. В подвале стало заметно холоднее. Прохладный воздух словно струился откуда-то сверху, из темноты лестничного проёма.

— Ну вот, — Харуто попытался усмехнуться, но вышло натянуто. — А ты говорил «физика, перепады температур». Дедуля официально подтвердил, что у нас в гостиной завёлся невидимый жилец, который, судя по всему, не платит за аренду. Напишем на него заявление в полицию за незаконное проникновение?

— Полиция решит, что у нас семейное сумасшествие, — Казуки отложил блокнот и перевёл взгляд на проектор. Он

аккуратно коснулся пальцами металлического корпуса. Прибор был холодным, но внутри него что-то едва заметно завибрировало, словно внутри спал готовый к работе механизм. — Дед был учёным человеком. Если он утверждал, что плёнка что-то фиксирует, значит, у него были основания. Казуки взял верхнюю коробку с плёнкой. Она была без маркировки, в отличие от остальных, на которых стояли даты и технические пометки. Он открыл крышку. Внутри лежала бобина с тёмно-коричневой 8-миллиметровой лентой. Сзади раздался шорох. Харуто резко обернулся, выставив вперёд свой фонарик. Луч света упёрся в дальний угол подвала, где за старыми ширмами хранился хлам. На мгновение обоим братьям показалось, что тяжёлая пыльная штора, закрывающая стеллаж, качнулась. Словно кто-то только что отступил за неё, укрываясь от света.

— Казуки... — Харуто сделал шаг назад, ближе к столу. — Мне очень не нравится этот угол. Там как будто... кто-то стоит и очень громко молчит.

— Там никого нет, Харуто, — Казуки заправил плёнку в пазы проектора, хотя его собственные пальцы слегка подрагивали. — Но чтобы нам обоим не мерещились тени, давай сделаем то, что просил дед. Посмотрим, что на этой чертовой ленте. Казуки протянул руку к стене и сдвинул в сторону одну из больших карт префектуры, обнажив ровную, побелённую известкой стену. Она идеально подходила в качестве экрана. — Готов? — спросил старший брат, положив ладонь

на тумблер включения проектора.

— Нет, — честно признался Харуто. — Но если мы сейчас не включим эту штуку, я сдамся в плен кабанам. Включай. Казуки повернул тумблер. Проектор ожил с громким, утробным рокотом. Внутри него затрещали шестерёнки, завертелись бобины, и из объектива вырвался мощный луч резкого, белого света. Он ударил в побелённую стену, разрезая темноту подвала ярким прямоугольником. На стене заплясали крупницы пыли и царапины — пошёл белый шум плёнки.

Братья затаили дыхание, глядя на экран. Через секунду изображение сфокусировалось. На плёнке появилась комната. Качество было зернистым, чёрно-белым, но Казуки и Харуто мгновенно узнали это место. Это была гостиная наверху. Та самая комната с поющими полами и остановившимися часами, из которой они ушли десять минут назад. Камера стояла неподвижно, зафиксированная на штативе в углу. В кадре было пусто. Занавески на окнах едва заметно колыхались, на татами лежал блеклый свет. Кадр казался абсолютно статичным, если бы не тиканье проектора и лёгкое дрожание самой плёнки.

— Это... наш дом? — шёпотом спросил Харуто, не отрывая глаз от стены. — Дед снимал гостиную? Но зачем снимать пустую комнату?

— Тише, — оборвал его Казуки. — Смотри внимательно. На экране началось движение. Из левой части кадра, пря-

мо в гостиную, вошли двое. Они были одеты в куртки, у одного на плече висел рюкзак. Они двигались немного неестественно, как бывают показаны люди на старых архивных записях. Харуто почувствовал, как у него перехватило дыхание, а по коже пробежал ледяной пот. Эти двое на чёрно-белой плёнке... это были они сами. Казуки и Харуто. На видео было чётко видно, как Казуки подходит к окну и раздвигает шторы, впуская свет, а Харуто остаётся стоять в дверях, испуганно озираясь.

— Это невозможно, — пробормотал Харуто, хватая брата за локоть. Его пальцы дрожали. — Казуки, дед умер три года назад. Кто нас снимает? Откуда эта плёнка? Она же старая! Казуки не ответил. Его взгляд был прикован к экрану. Его прагматичный разум лихорадочно искал объяснение, но логика ломалась и рассыпалась. На плёнке они видели то, что произошло буквально пятнадцать минут назад. Но сама бобина была покрыта вековой пылью, а эмульсия на ней была старой, винтажной. На экране чёрно-белый Казуки повернулся к Харуто, они о чём-то поговорили, а затем оба развернулись и вышли из кадра — направились к подвалу. Комната на экране снова опустела. Проектор продолжал стрекотать. И вдруг в правом углу кадра, прямо у замерших настенных часов, воздух начал странно искажаться. Это не было тенью или силуэтом человека. Это выглядело так, словно само пространство гостиной пошло мелкой рябью, как вода от брошенного камня. Тёмное, едва заметное марево нача-

ло медленно отделяться от угла и двинулось по комнате. Оно шло точно по той траектории, по которой только что прошли братья. Марево приблизилось к центру комнаты, и в этот момент на плёнке, прямо поверх изображения, появились резкие, глубокие царапины, сделанные чьей-то рукой прямо на плёночной ленте. Буквы были корявыми, выцарапанными острой иглой. Братья вгляделись в надпись, которая проплывала по экрану:

«ОНО СЛУШАЕТ ШУТКИ. ОНО ИДЁТ НА ТЕПЛО. НЕ ВЫКЛЮЧАЙТЕ ЛУЧ».

В ту же секунду над их головами, наверху, в пустой гостиной первого этажа, раздался отчетливый, громкий и протяжный скрип поющей половицы. А затем ещё один. И ещё один. Кто-то невидимый медленно шёл по коридору первого этажа, направляясь прямо к открытой двери подвала.

Глава 3. Территория белого шума.

Скрип наверху прекратился так же внезапно, как и начался. Он замер прямо у порога подвальной двери. Казуки чувствовал, как Харуто за спиной практически перестал дышать, превратившись в натянутую струну. В замкнутом пространстве подвала рокот проектора теперь казался оглушительным, словно работал дизельный генератор, а не старый винтажный прибор.

— Казуки, — едва слышным, сдавленным шёпотом произнёс Харуто, утыкаясь лбом в плечо брата. — Если эта штука сейчас начнёт спускаться по лестнице, я официально за-

являю: твоя теория про оседающий дом официально признана худшим научным докладом года. Казуки не ответил. Он медленно перевёл луч ручного фонаря на потолок, туда, где за деревянными перекрытиями находился коридор первого этажа. Пыль, поднятая их спуском, медленно оседала в белом луче света.

— Тихо, — выдохнул старший брат. — Оно не спускается. Оно просто... стоит там.

— Великолепно. У нас над головой стоит невидимое нечто, которое, судя по надписи деда, пришло послушать мои искромётные шутки. Может, мне рассказать ему анекдот? Как думаешь, у потусторонних существ есть чувство юмора или оно сразу перейдёт к удушению?

— Харуто, заткнись, пожалуйста, — Казуки заставил себя сделать глубокий вдох. Ледяной воздух обжёг лёгкие. — Смотри на экран. На побелённой стене чёрно-белое марево на плёнке остановилось прямо перед дверью подвала. Оно замерло на видео точно так же, как Присутствие замерло в реальном времени над их головами. Логическая цепочка, оставленная дедом Генджи, замыкалась: плёнка фиксировала не прошлое и не будущее, она фиксировала параллельный слепок их реальности, но с задержкой в долю секунды. И это марево видело их через объектив. Вдруг бобина проектора резко дернулась. Лента пошла быстрее, и на стене замелькали новые выцарапанные дедом буквы. Царапины были настолько глубокими, что в этих местах свет пробивал плёнку

насквозь, оставляя на стене слепящие белые шрамы:

«НЕ ВЫКЛЮЧАЙ. ЕСЛИ ЛУЧ ПОТУХНЕТ — КАДР ЗАФИКСИРУЕТСЯ В РЕАЛЬНОСТИ. ИЩИТЕ БОБИНУ 2 В ШКАФУ У ЧАСОВ».

Хвост плёнки внезапно выскочил из зажима нижней катушки. Экран на стене ослепительно вспыхнул чистым белым светом. Картинка исчезла. Свободный конец ленты начал бешено и ритмично хлопать по металлическому корпусу проектора: хлоп-хлоп-хлоп-хлоп. Этот звук в мёртвой тишине подвала бил по барабанным перепонкам, как метроном смерти. В ту же секунду температура в подвале упала так резко, что у Казуки мгновенно заломило зубы. Желтая лампа на гибкой ножке над столом испуганно моргнула и с треском погасла. Единственным источником света остался слепящий белый прямоугольник от пустого луча проектора и блеклый луч ручного фонаря в руке Казуки. И из этого белого прямоугольника света на стене, прямо из центра пустого кадра, на них повеяло не просто холодом — запахом могильного мха и сырой, перекопанной земли.

— Казуки... плёнка кончилась, — голос Харуто сорвался на сиплый фальцет. — Хвост хлопает. Мне кажется, или это существо сейчас использует белый шум как ковровую дорожку?

— Нам нужно вверх, — Казуки резко развернулся, хватая брата за руку. — Дед написал: бобина номер два в шкафу у часов. Хватит сидеть в этой мышеловке. Если проектор

заглохнет совсем, мы отсюда не выберемся.

— Наверх? Туда, где оно только что стояло? Казуки, ты гений тактики. Давай просто пошлём ему текстовое сообщение: «Мы выходим, приготовься».

— У тебя есть другие варианты? — Казуки уже потянул брата к деревянной лестнице. — Из подвала один выход, Харуто. Двигайся. Скорости ради можешь продолжать шутить, у тебя это сейчас выходит особенно истерично.

Они начали подниматься. Каждая ступенька под их весом стонала, но теперь этот стон казался братьям самым безопасным звуком на свете по сравнению с тем, что могло ждать их наверху. Казуки держал фонарь наготове, его сердце стучало в горле. Он аккуратно толкнул тяжёлую дверь подвала. Она поддалась без скрипа. Они вышли в коридор первого этажа. Здесь было темно и тихо. Лучи фонаря заметались по стенам, выхватывая замершие маятники настенных часов. Никого. Ни марева, ни силуэта. Но ощущение того, что воздух стал густым, как кисель, не исчезло. Казалось, за ними наблюдают из каждого тёмного угла, из каждой щели между раздвижными перегородками сёдзи.

— Быстрее, к шкафу, — скомандовал Казуки, направляясь в гостиную. Шкаф у часов представлял собой старинный деревянный комод тансу с коваными железными углами. Казуки подбежал к нему и рванул на себя верхний ящик. Внутри лежали старые квитанции, инструменты для ремонта часов, линзы... но никакой плёнки. — Харуто, свети сюда!

— крикнул Казуки, лихорадочно перерывая бумаги. Харуто подошёл, но его фонарь дрожал так сильно, что световое пятно прыгало по стенам гостиной. Младший брат инстинктивно обернулся к большому окну, выходящему во двор.

Дождь за стеклом продолжал висеть серой стеной. И там, посреди туманного заброшенного сада, у старого каменного колодца, стояла фигура. Харуто замер, его язык буквально прилип к гортани. Это была девушка. На ней было простое тёмное кимоно, её длинные чёрные волосы были слегка расчёпаны влажным воздухом, а бледное лицо казалось почти прозрачным в сумерках. Она не двигалась. Она просто стояла под дождём без зонта и пристально, не отрываясь, смотрела прямо в окно гостиной — туда, где находились братья.

— Казуки... — Харуто слабо похлопал брата по плечу, не переводя взгляда от стекла. — Казуки,ними меня с должности штатного паникёра. Там на улице... там кто-то есть. И это не кабан. Казуки резко обернулся и замер, проследив за взглядом младшего брата. Луч его фонаря скользнул по стеклу, пробил пелену дождя и упал на фигуру у колодца. Девушка не зажмурилась от яркого света. Напротив, заметив Казуки, она медленно, едва заметно наклонила голову набок. На её бледных губах появилась слабая, почти неуловимая улыбка. Она подняла руку и указала тонким длинным пальцем... не на братьев. Она указывала на нижний ящик комода, который Казуки ещё не успел открыть. В следующую секунду в подвале под их ногами раздался оглушительный,

сухой треск. Проектор, который до этого бешено хлопал хвостом плёнки, внезапно замолчал. Мотор заглох. Свет, пробивавшийся из подвального проёма, погас навсегда. Дом Куросава погрузился в абсолютную, первобытную темноту. И в этой темноте, прямо за спинами братьев, в самом дальнем углу гостиной, половица угуисубари издала тонкий, торжествующий птичий писк.

Глава 4. Взгляд сквозь стекло.

Тишина, наступившая после отключения проектора, казалась осязаемой. Она давила на барабанные перепонки, заставляя слышать оглушительный стук собственного сердца. Единственное световое пятно от фонаря Казуки бешено металось по комнате, выхватывая то замершие стрелки напольных часов, то угловатые очертания мебели. Из дальнего угла гостиной, где только что скрипнула половица, повеяло таким холодом, что у Харуто перехватило дыхание.

— Казуки, — шёпотом, на самом пределе слышимости произнёс младший брат. — Если эта штука сейчас заговорит со мной, скажи ей, что я глухонемой со вчерашнего дня. И вообще, это ты старший, тебе и вести светские беседы с призраками.

— Заткнись и свети на комод, — так же тихо, но твердоскомандовал Казуки. Его прагматизм сейчас работал на максимуме, подавляя липкий страх. — Девушка за окном показала на нижний ящик. Ищи бобину. Казуки упал на колени перед старинным комодом тансу и рванул на себя самый

нижний, тяжёлый ящик. Тот поддался с жутким деревянным скрежетом, который в тишине дома прозвучал как выстрел. Харуто послушно направил дрожащий луч фонаря внутрь. Среди старой пожелтевшей бумаги и каких-то тряпок тускло блеснул круглый металлический диск. Второй фильм деда. — Нашёл! — Казуки схватил коробку. Она была ледяной, словно её только что достали из морозильника. В этот момент за их спинами раздался звук, от которого волосы на затылке Харуто встали дыбом. Это был не скрип половицы. Это был тихий, протяжный, сухой вздох. Словно кто-то невидимый стоял всего в полуметре от них и шумно выпустил из лёгких морозный воздух. В луче фонаря на мгновение образовалось облачко густого белого пара — прямо там, где никого не было.

— Физика, говоришь? Расширение досок? — Харуто судорожно сглотнул, пятясь спиной к выходу из гостиной и не опуская фонаря. — Казуки, этот дом только что вздохнул. Причём, кажется, у него застарелый бронхит. Бежим отсюда к чертовой матери!

— К машине! — Казуки вскочил, прижимая коробку с плёнкой к груди. Они рванули через поющую гостиную. Пол под их ногами буквально взорвался канонадой птичьего щебета. Братья вылетели в коридор, пронеслись мимо разинутого тёмного зева подвальной двери, из которой теперь несло замогильной сыростью, и ворвались в генкан. Казуки ударил плечом массивную раздвижную дверь, ведущую на ули-

цу, и они оба буквально вывалились на деревянное крыльцо, под спасительную серость затяжного дождя. Влажный воздух Нагано после удушливой атмосферы дома показался невероятно чистым. Братья остановились на крыльце, тяжело и шумно дыша. Дождь мгновенно намочил их волосы и куртки, но этот холод был живым, понятным и безопасным. Харуто обернулся и посмотрел на закрывшуюся за ними дверь.

— Всё. Ночуем в машине. Мне плевать на кабанов, я согласен делить с ними заднее сиденье, лишь бы подальше от этих поющих полов, — он согнулся пополам, упираясь руками в колени, пытаясь перевести дух. — У меня до сих пор ощущение, что эта штука стоит прямо за дверью и смотрит на нас сквозь замочную скважину. Казуки не ответил. Он смотрел в сторону старого сада.

— Харуто, — тихо позвал он. — Посмотри туда. У каменного колодца, где всего несколько минут назад стояла бледная девушка, никого не было. Тёмный силуэт исчез, оставив после себя лишь серую пелену тумана и капли дождя, бьющие по заросшей траве. Однако у самой границы их участка, прямо возле замшелого валуна, сидела та самая фигура. Девушка укрылась от дождя под раскидистыми ветвями старого клёна. Она сидела на корточках, обхватив колени руками, и смотрела на Казуки своими огромными, тёмными и совершенно спокойными глазами. Старший брат медленно двинулся вниз по ступеням крыльца.

— Эй, ты куда? — Харуто испуганно схватил его за рукав.

— Казуки, ты сошёл с ума? Она только что телепортировалась из окна к колодцу, а теперь сидит у забора! Это явно не местная школьница, которая потеряла зонтик!

— Она показала мне, где плёнка, Харуто, — Казуки мягко освободил свой рукав. — Если бы она хотела нам навредить, она бы сделала это ещё в доме. Она что-то знает о дедушке. Оставайся у машины, если боишься. Я быстро. Казуки пошёл по мокрой траве. Капли дождя приятно охладили лицо, смывая остатки подвального кошмара. Чем ближе он подходил к клёну, тем отчетливее видел её лицо.

Она была удивительно красивой, но этой пугающей, хрупкой красотой, которая бывает у фарфоровых кукол. Её кожа была неестественно бледной, а тёмное кимоно казалось сухим, несмотря на проливной дождь. Казуки остановился в двух шагах от неё.

— Кто ты? — негромко спросил он. — И откуда ты знаешь, что лежало в комодке моего дедушки? Девушка медленно поднялась. Она была невысокой, едва доставала Казуки до плеча. Она посмотрела на него снизу вверх, и на её губах снова скользнула та самая слабая, ускользающая улыбка.

— Меня зовут Мио, — её голос прозвучал удивительно тихо, но отчётливо, словно она говорила прямо ему на ухо, преодолевая шум дождя. — Я знала Генджи-сана. Он часто сидел здесь, на этом самом месте, и смотрел на свои часы. Он пытался поймать то, что нельзя поймать.

— То, что в доме? — Казуки сделал полшага вперёд, ин-

стинктивно пытаюсь заслонить её от холодного ветра, хотя сам не понимал, зачем это делает. — Что это такое? Дед написал, что серебряная эмульсия фиксирует искажение. Ты знаешь, как это остановить? Мио сделала шаг назад, углубляясь в тень дерева. Её фигура словно начала слегка размываться в сером тумане.

— Время здесь течёт иначе, Казуки-сан, — прошептала она, и в её глазах на мгновение промелькнула глубокая, вековая грусть. — Не верьте тому, что видите на экране. Но и не выключайте луч. Если вы остановите проектор, вы останетесь в его кадре навсегда. Старейшины деревни знают цену этой тишине. Не ходите к ним. Они уже отдали этот дом.

— Подожди! — Казуки протянул руку, желая удержать её, коснуться её плеча, чтобы убедиться, что она реальна. Но его пальцы схватили лишь холодный, влажный воздух. Мио словно растворилась в тумане между деревьями, оставив после себя лишь едва уловимый запах цветущей дикой сливы и ледяную прохладу. Казуки постоял несколько секунд, глядя на пустую подветренную сторону клёна. Сердце в груди бешено колотилось, но теперь это был не страх перед монстром. Это было странное, тянущее чувство, вспыхнувшее где-то внутри.

— Ну что? — к нему подбежал запыхавшийся Харуто, держа в руке монтировку, которую он, видимо, успел достать из багажника минивэна. — Где она? Куда делась? Казуки, у тебя такое лицо, будто ты только что увидел ангела, или...

или у тебя окончательно поехала крыша на почве мистики. Что она сказала? Казуки медленно повернулся к брату, крепче сжимая в руке коробку со второй бобиной.

— Она сказала, что нам нельзя останавливать проектор, — Казуки посмотрел на тёмные окна дома Куросава. — И что деревня отдала этот дом чему-то, что живёт внутри. Пойдём, Харуто. Нам нужно вернуться в подвал.

— Вернуться?! — Харуто округлил глаза, крепче сжимая монтировку. — Казуки, я, конечно, ценю твою тягу к знаниям, но давай вернемся туда завтра? При дневном свете? И желательно с батюшкой, экзорцистом и парой канистр бензина?

— Если мы не включим вторую плёнку сейчас, мы не узнаем правила, — Казуки пошёл обратно к крыльцу. — Ты сам слышал: оно ходит, когда обрывается кадр. Нам нужно запустить свет. Харуто тяжело вздохнул, посмотрел на свою монтировку, затем на удаляющуюся спину брата.

— Ладно, — пробурчал он, покорно шагая следом. — Но если эта Мио окажется трёхсотлетним духом лисы-оборотня, которая просто хочет заманить нас в ловушку, я лично напишу на твоём надгробии: «Умер, потому что повёлся на симпатичное лицо».

Глава 5. Тени на границе.

Когда они снова переступили порог генкана, дом встретил их той же мертвенной, ледяной тишиной. Скрип поющих половиц под их шагами теперь казался не столько защитным

механизмом, сколько сигнальным колоколом, извещающим Нечто об их возвращении. Харуто шёл позади, крепко сжимая монтировку. Его взгляд то и дело возвращался к профилю старшего брата. Казуки выглядел собранным, но в его глазах появилось то особое, отрешённое выражение, которое бывало у него, когда он натыкался на неразрешимую, захватывающую задачу. Харуто это не нравилось. Совсем не нравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.